

Д. А. Черноглазов

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

«ОБРАЗ ДУШИ» УЧЕНОГО МИТРОПОЛИТА XIII в.: ЗАМЕЧАНИЯ О ПИСЬМАХ ИОАННА АПОКАВКА

Митрополит Навпактский Иоанн Апокавк (ок.1155–1233) – церковный и политический деятель начала XIII в., выдающийся византийский писатель. Эпистолярное собрание Апокавк, включающее 156 писем, до сих пор исследовалось в основном как исторический источник. В настоящей статье проводится филологический анализ писем – ставится вопрос о том, как в них изображается авторское «я». Исследование показывает, что в письмах Апокавк складывается индивидуальный образ автора, выступающий за рамки эпистолярных клише. Этот образ не лишен внутренних противоречий: с одной стороны, Апокавк изображает себя ветхим, больным и страдающим за свои грехи, а с другой – предстает гордым своими достижениями, ученостью, готовым вступить за свои права или защищать интересы митрополии. При этом, когда автор говорит о своей слабости и ничтожности, он не всегда серьезен – самоуничижение порой превращается в карикатуру: например, автор подчеркивает свое чревоугодие, прибегая к гротескным сравнениям. Образ автора не статичен: Апокавк зачастую изображает себя сомневающимся, колеблющимся между двумя мнениями, меняющим свою позицию под влиянием обстоятельств. Образ автора в письмах Апокавк рассматривается в контексте византийской эпистографии Комниновского ренессанса. Отмечается ряд общих тенденций в письмах Иоанна Апокавк, Михаила Пселла, Иоанна Цеця и Феодора Продрома.

Ключевые слова: Иоанн Апокавк; византийская эпистография; Комниновский ренессанс; образ автора; эпистолярный этикет; Феодор Продром; Иоанн Цеця

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00207 «Логическое образование в Византии: Феодор Продром и логические опыты XII века».

Цитирование: Черноглазов Д. А. «Образ души» ученого митрополита XIII в.: замечания о письмах Иоанна Апокавк. DOI 10.15826/adsv.2020.48.008 // Античная древность и средние века. 2020. Т. 48. С. 117–135.

Поступила в редакцию 15.07.2020
Принята к печати 15.10.2020

Д. А. Черноглазов

Dmitrii A. Chernoglazov

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

**“IMAGE OF THE SOUL” OF A LEARNED
METROPOLITAN IN THE THIRTEENTH CENTURY:
SOME NOTES ON JOHN APOKAUKOS’ EPISTLES**

John Apokaukos (ca. 1155–1233), the metropolitan of Naupaktos, was a church and political figure of the early thirteenth century and an outstanding Byzantine writer. So far the collection of Apokaukos’ letters has been studied mainly as a historical source. This paper has made a philological analysis of his epistles with the question raised how the author’s self is portrayed. This research has shown that Apokaukos’ letters formed an individual image of the author extending beyond epistolary clichés. This image is not without internal contradictions: on the one hand, Apokaukos portrays himself as a decrepit old man, enduring punishment for his sins, and on the other, he appears proud of his achievements and erudition, ready to stand up for his rights or defend the interests of his eparchy. Moreover, when the author speaks of his weakness and insignificance, he is not always serious, for the self-abasement sometimes turns into a caricature: for example, the author emphasizes his gluttony using grotesque comparisons. The author’s image is not static: Apokaukos often portrays himself as a doubter, hesitating over two opinions and changing his position under the influence of circumstances. This paper has analysed the author’s image in Apokaukos’ letters in the context of Byzantine epistolography in the Komnenian renaissance. Some common tendencies have been determined in the epistles of John Apokaukos, Michael Psellos, John Tzetzes, and Theodore Prodromos.

Keywords: John Apokaukos; Byzantine epistolography; Komnenian renaissance; author’s image; epistolary ceremonial; Theodore Prodromos; John Tzetzes

Acknowledgements: This research was funded by RFBR, research project no 18-011-00207 “The Logical Education in Byzantium: Theodore Prodromos and the Logical Experiments of the Twelfth Century.”

For citation: Chernoglazov, D. A. (2020). “Образ души” uchenogo mitropolita XIII v.: zamechanija o pis’makh Ioanna Apokavka [“Image of the Soul” of a Learned Metropolitan in the Thirteenth Century: Some Notes on John Apokaukos’ Epistles]. *Antichnaya drevnost’ i srednie veka*, 48, 117–135. doi: 10.15826/adsv.2020.48.008

Submitted: 15.07.2020

Accepted: 15.10.2020

Митрополит Навпактский Иоанн Апокавк (ок. 1155–1233) хорошо известен византинистам и как церковный и политический деятель начала XIII в., и как выдающийся писатель¹. Его литературное наследие включает эпиграммы духовного содержания, церковно-правовые документы и обширное эпистолярное собрание, включающее 156 посланий, которое и станет предметом настоящей статьи.

Полноценного критического издания писем Иоанна Апокавка пока не существует – многие из них доступны лишь в старых, труднодоступных изданиях, порой избытолирующих неточностями². Его эпистолярное «досье» часто становилось предметом научного анализа, но, в основном, в одном-единственном аспекте: письма Навпактского митрополита рассматривались как источник исторических данных. Действительно, письма Иоанна Апокавка, вкуче с его правовыми актами, дошли до нас как архив, не прошедший литературной обработки и потому сохранивший имена адресатов и других лиц, а также малозначительную, *sub specie aeternitatis*, конкретную информацию – то, что нередко опускалось при составлении сборников писем, призванных служить эталонами изящного риторического стиля³. В итоге, послания Апокавка, весьма разношерстные по стилю и содержанию, содержат массу бесценных сведений об интригах при дворе правителя Эпира, о взаимоотношениях с никейской церковью, о полномочиях церковного суда, об экономической жизни Навпакта и, наконец, о бытовых реалиях XIII в. Мы узнаем, как византийцы одевались в холода⁴ и какую обувь они носили в дождливую погоду⁵, как шалили непослушные дети⁶ и каким забавам предавалась молодежь⁷, как выглядел дворец вельможи и как была устроено домохозяйство сельского жителя⁸, и мн. др.

¹ Об Иоанне Апокавке см.: *Wellnhofer M.* Johannes Apokaukos, Metropolit von Naupaktos in Aetolien (c. 1155–1233), sein Leben und seine Stellung in Despotat von Epirus : Diss. München ; Freising, 1913; *Λαμπρόπουλος Κ.* Ιωάννης Αποκάυκος. Συμβολή στην έρευνα του βίου και του συγγραφικού έργου του. Αθήνα, 1988; *Angold M.* Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. New York, 1995. P. 213–231.

² Большинство писем изданы в: *Bees N. A.* Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropoliton von Naupaktos (in Aetolien) // BNJ. 1971–1974. Bd. 21. S. 57–160. Перечень остальных изданий см.: *Λαμπρόπουλος Κ.* Ιωάννης Αποκάυκος... Σ. 15–18.

³ О «деконкретизации» византийских писем см.: *Karlsson G.* Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Uppsala, 1959; *A Companion to Byzantine Epistolography / ed. A. Riehle.* Leiden ; Boston, 2020. P. 341–342.

⁴ *Bees N. A.* Unedierte Schriftstücke... Ep. 76. 15–16, 103. 18–22.

⁵ *Ibid.* Ep. 67. 51–60.

⁶ *Ibid.* Ep. 100. 8–19.

⁷ *Ibid.* Ep. 77. 41–52.

⁸ *Παπαδοπούλο-Κεραμεύς Α. Ι.* Συμβολή εις την Ιστορίαν της αρχιεπισκοπής Αχρίδος // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. СПб., 1907. Ч. 1. Ep. 7. P. 244–248.

Письма Апокавка – обязательное чтение для того, кто намерен написать исторический роман о Византии.

Однако, документальная ценность писем Иоанна Апокавка не должна затмевать других аспектов, в которых они тоже заслуживают детального исследования – лингвистического и, в первую очередь, историко-литературного. Исследователи без колебаний признают художественные достоинства писем Апокавка⁹, но, насколько нам известно, внимания этой теме почти не уделялось. Филологическому анализу писем была посвящена лишь одна статья¹⁰, рассматривающая, как в посланиях византийского интеллектуала и «гуманиста» отражаются бытовые реалии византийской жизни.

Творчество Иоанна Апокавка как эпистолографа изучено пока очень мало: показательно, что в новейшем *ἐγχειρίδιον* по византийской эпистолографии¹¹ его имя упоминается лишь дважды, да и то в примечаниях. Комплексное филологическое исследование писем Иоанна Апокавка, – бесспорно, *desideratum* для историков византийской литературы, наряду с подготовкой их полноценного критического издания. В рамках данной статьи мы обратимся к письмам Иоанна Апокавка как к литературному памятнику, но ограничимся лишь одним аспектом филологического анализа. Если П. Магдалино обратил внимание на то, как в посланиях ученого митрополита преломляется окружающая действительность, то мы сосредоточимся на том, как в них отражается, или, вернее, изображается авторское «я».

Для эпистолографии, как и для лирической поэзии¹², это ключевой аспект филологического исследования. Согласно эпистолярной теории, письмо должно содержать «образ души» (εἰκὼν τῆς ψυχῆς) его автора¹³. Действительно, в каждом письме или эпистолярном собрании, если его рассматривать как целое, этот образ присутствует – хотя бы в той минимальной мере, что письмо написано от первого лица. Авторское «я» византийского письма далеко не всегда означает раскрытие индивидуальности эпистолографа. Образ автора может полностью состоять

⁹ *Λαμπρόπουλος Κ. Ἰωάννης Ἀπόκαυκος... Σ. 92–99; Angold M. Church and Society... P. 213.*

¹⁰ *Magdalino P. The Literary Perception of Everyday Life in Byzantium, Some General Considerations and the Case of Apokaukos // BS. 1987. T. 47/1. P. 28–38*

¹¹ *A Companion to Byzantine Epistolography... P. 298, 345.*

¹² Напомним, что, по удачному замечанию М. Маллетт, в Византии эпистолярный жанр служил отчасти заменой лирической поэзии: *Mullett M. The Classical Tradition in the Byzantine Letter // Byzantium and the Classical Tradition / ed. M. Mullett, R. Scott. Oxford, 1981. P. 82.*

¹³ *Koskenniemi H. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr. Helsinki, 1956. S. 38–42, Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма // Любарский Я. Н. Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001. С. 234–236.*

из клише: автор «безумно любит» адресата, изнывает и «иссыхает» без него, грезит о «крыльях голубиных» (Пс. 54:7), чтобы полететь к нему, страстно целует полученное письмо, наконец, осознает свое косноязычие и полную ничтожность по сравнению со своим собеседником – сколь бы эмоционально насыщенными ни казались «пылкие признания» в любви и дружбе, их надо понимать, в первую очередь, как элемент эпистолярного этикета¹⁴. Впрочем, есть немало писем, где – несмотря на приверженность тем же канонам – напротив, ярко запечатлелась личность автора, многогранная, изменчивая и внутренне противоречивая. Таковы, например, послания Феодора Студита, Михаила Пселла, Иоанна Цеца, Михаила Хониата или Димитрия Кидониса. Мера индивидуальности и сложности авторского образа – центральный критерий оценки византийского письма как литературного текста.

Уже поверхностное чтение писем Иоанна Апокавка показывает, что образ автора выступает в них зримо и рельефно. Как мы далее постараемся показать, внимание эпистолога часто направлено на себя – он описывает свой нрав, внешность, самочувствие, рассказывает истории из своей жизни. Нетрудно выявить и доминирующую черту этого авторского образа, которая в разных вариациях повторяется в очень многих письмах – это образ старца, измученного болезнью.

Когда Апокавок упоминает о своих недугах – чаще всего речь идет о мочекаменной болезни и «подаггии», – это служит, чаще всего, оправданием. Болезнью объясняется продолжительное молчание¹⁵, излишняя краткость письма¹⁶, отсутствие автора на каком-либо мероприятии¹⁷. Кроме того, болезнь становится поводом упрекнуть адресата в пренебрежении и забвении дружбы¹⁸ или просто посетовать на несчастья, окружившие автора¹⁹. Однако, каким бы ни был предлог, Апокавок охотно описывает свое самочувствие и нередко насыщает описание конкретными деталями и объясняет свои симптомы с точки зрения медицины и физиологии.

Приведем показательный пример. В письме Михаилу Хониату Иоанн, оправдывая свое долгое молчание, подробно описывает недуги, которыми он страдает. Наибольшее внимание уделяется мочекаменной

¹⁴ О канонах византийского эпистолярного этикета см.: *Karlsson G. Idéologie...; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 214–233; Черноглазов Д. А. Laus epistolae acceptae: об эволюции византийского эпистолярного комплимента // ВВ. 2010. Т. 69(94). С. 174–186.*

¹⁵ *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke... Ep. 35. 11–12.*

¹⁶ *Васильевский В. Г. Epirotica saeculi XIII: из переписки Иоанна Навпактского // ВВ. 1896. Т. 3. Ep. 10. С. 255. 13–15.*

¹⁷ *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke... Ep. 74. 3–5.*

¹⁸ *Ibid. Ep. 61. 4–6; 85. 2–6.*

¹⁹ *Ibid. Ep. 73, 78.*

болезни, рассказ о которой содержит редкие слова и специальные медицинские термины: «У меня в почках развилась хроническая каменная болезнь²⁰, и через пенис выходят камни, иногда большие, величиной с семена нута, и – что еще тяжелее – разные по форме: бывают многоугольные, треугольные и четырехугольные. Попадая в мочеиспускательный канал (τῷ τοῦ φαλλοῦ ἀλῶνι), эти [камни], многообразные по форме, давят на [стенки] прохода и делают ощущение боли совершенно невыносимым. Иногда же [камень] из-за величины преграждает отверстие уретры (τὴν τῆς οὐρήθρας... ὀπῆν), и жидкость вообще не вытекает. От этого возникает жгучая боль в проходе, и я тотчас повергаюсь на землю, и смерть встает у меня перед глазами»²¹. В том же письме рассказывается и о двух других недугах – Иоанн совершенно оглох на одно ухо и у него продолжают болеть ноги²².

Не менее показательно и письмо, адресованное Георгию Вардану, где автор не только демонстрирует познания в области физиологии и подходит к своей болезни по-научному, но и старается сделать свой «экфрасис» как можно более образным. Пространный пассаж из этого письма уместно процитировать полностью:

Отощал же я настолько, что ничем не отличаюсь от тени: если ты видел когда-нибудь в живописи набросок, очерченный одной лишь охрой, к которому живописец еще ни в первый раз, ни во второй, ни в третий руку не приложил – знай, таков и я. Ноги здорового человека, как мы видим, состоят из вогнутых и выпуклых частей. Область лодыжек, разумеется, вогнута и, скажем так, лишена плоти. Если бы там было утолщение, то движение не было бы для человека легким. Голень же – выпуклая [часть] ноги, ибо выступ создается собранными там мышцами. Колено, напротив, сухо и лишено плоти, дабы не препятствовать сгибам. Здесь одновременно и вогнутость и выступ: сверху колено выдается, а снизу вогнуто. [Что же касается] бедер, то эта часть, начинаясь от колена и восходя к ягодицам, от более тонкого становится, вместе с восхождением, более толстым и, соединяясь с ягодицами, обеспечивает человеку [возможность] удобно сидеть. Мои же ноги, лишённые плоти по причине болезни, подобны ровным по толщине тростинкам – в них нет ни бедра, ни голени, разве что по форме: суставы скрепляют мои ноги в области колен и лодыжек совершенно как перемычки, скрепляющие полые звенья тростника²³.

²⁰ Болезнь названа λιθιασμός, редким вариантом более распространенного термина λιθίασμα.

²¹ Васильевский В. Г. *Epirotica saeculi...* Ep. 10. P. 255. 22–29.

²² *Ibid.* P. 255. 15–21, 31–33.

²³ Пападопуло-Керамес А. И. *Κερκυραϊκά. Ἰωάννης Ἀπόκακος καὶ Γεώργιος Βαρδάνης* // ВВ. 1906. Т. 13. Ep. 3. P. 339. 18–340. 7.

Итак, повествуя о своей болезни, Иоанн совмещает научный и риторический подход: описание ноги здорового человека четко, обстоятельно и напоминает отрывок из физиологического трактата, а экфрасис тела, исхудавшего и измученного недугами, содержит два развернутых сравнения – с эскизом живописца и с тростником. Подчеркнем также, что перед нами один из редких случаев, когда византийский эпистолограф описывает собственную наружность. В пределах средневизантийской эпохи (IX – начало XIII в.) мы можем вспомнить совсем немного таких автопортретов, например, в письме Феодора Никейского²⁴ или в письме Феодора Продрома, где тоже рассказывается о следах тяжелой болезни – осы, из-за которой у автора выпали его роскошные волосы²⁵.

Мотив болезни сопряжен с мотивом старческой немощи. Сетуя на болезнь, Иоанн Апокавк изображает себя ветхим стариком. Так, обращаясь к Феодору Комнину митрополит пишет, что он «сражается со старостью и недугом» и «подобно змеям, заключается в келье, как в норе», сворачивается клубком из-за времени года и погоды, укутывается в семь простынь (Ar. Nu. 10), но сейчас солнце адресата побуждает автора вылезти из логова²⁶. То же сравнение престарелого автора со змеей, спрятавшейся в норе, в сходных выражениях повторяется и в письме к Димитрию Хоматиану. Там же Апокавк саркастически определяет себя как «холодеющий старый пенъ» (ὄλοψυχρον γεράνδρουν)²⁷. В письме к Никифору Горианиту, оплакивая смерть архиерея, который был младше его, Апокавк награждает себя сразу тремя эпитетами: «престарелый» (ἔξωρος), «гнилой» (σαπρός), «одряхлевший» (παρηβηκός)²⁸.

Старческая немощь приводит и к вялости и беспомощности ума. В письме к грамматiku Каматиру Апокавк признает, что его ум «ослабел от старости» (ἐκ νοός τῷ γήρῳ σαθροῦ) и объясняет, почему: «скрижалъ памяти, подобная сморщенным от времени старческим щекам, не дает уму четкой записи того, что он должен увидеть и узнать, а потому и ум, глядя в эту скрижалу, не может высказать ничего достойного»²⁹. В письме к Георгию Вардану Апокавк извиняется за недостатки своего письма, отправленного патриарху Герману, и признается, что «нечего больше ожидать от ума старца робкого (δειλοῦ), немужественного (ἀνάνδρου) и ежедневно умирающего»³⁰. Правда, если исследователи правы³¹,

²⁴ Darrouzès J. *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. Paris, 1960. Ep. 2. P. 268. 90–106.

²⁵ Theodori Prodrumi epistolae // PG. Vol. 133. Ep. 5. P. 1251–1253.

²⁶ Васильевский В. Г. *Epirotica saeculi...* Ep. 4. С. 246. 6–12.

²⁷ Παπαδοπουλο-Κεραμεως Α. Ι. *Συμβολή...* Ep. 7. С. 247. 9–12.

²⁸ Pétridès S. Jean Apokaukos, *Lettres et autres documents inédits* // ИРАИК. 1909. Т. 14. Ep. 2. 1. С. 4.

²⁹ Bees N. A. *Unedierte Schriftstücke ...* Ep. 72. 2–6.

³⁰ Παπαδοπουλο-Κεραμεως Α. Ι. *Κερκυραϊκά...* Ep. 9. С. 349. 26–28.

³¹ Λαμπρόπουλος Κ. *Ιωάννης Απόκαυκος...* Σ. 224.

и речь идет о дошедшем до нас послании патриарху – пространном, обстоятельном и безупречном с точки зрения аргументации³², невольно задаетесь вопросом: не следует ли видеть в словах Апокавка иронию, т. е. притворную самокритику, под которой скрывается, напротив, гордость за свое творение? Но к теме иронии в письмах митрополита мы вернемся позже.

Болезни и страдания Апокавка – кара за его прегрешения. В письмах Навпактского митрополита мы нередко встречаем традиционный мотив христианского самоуничижения: эпистолограф предстает в образе кающегося грешника. Наиболее полно эта тема развита в письме к Марии Дукене. Апокавок пишет:

Похвалами же ты меня отяготила, ведь я не ведаю за собой ничего хорошего – ни духовного, ни телесного, ни божественного, ни человеческого, ибо иначе я был бы здоров, у меня было бы больше сил, я вкушал бы [доступную] в мире радость. На деле же моя душа скверна, тело нечисто, язык разнуздан, рука неправедна, ноги ведут меня к худшему [греху] – я поистине гневлю Бога и в наказание за это я получаю [болезни], изнуряющие тело³³.

Верноподданническое письмо Апокавка носит сугубо этикетный характер – неудивительно, что и образ автора, представленный в нем, всецело состоит из клише. Традиционен и повод к признанию собственной греховности – отклонение похвал со стороны корреспондента: сохранились письма различных авторов, специально посвященные тому, что адресат не должен хвалить автора и его дифирамбы приходятся ему в тягость³⁴.

Столь же привычно-этикетное отклонение похвал мы находим и в письме к монаху Анфиму: автор признает, что, хотя многие склонны хвалить его, он всегда «считал себя одним из многих и... не был о себе высокого мнения», а вино, присланное адресатом, было бы достойно, скорее, «царей и вельмож»³⁵. Образ автора-грешника встречается и во многих других письмах, в первую очередь, (как мы уже отмечали) в связи с тем, что автор терпит наказание за свои грехи – подвергается разнообразным бедствиям, гонениям и страдает от недугов. Следует особо отметить письмо Феодору Комнину, где мотив раскрывается в форме нескольких библейских аллюзий: душа «не сберегла виноград-

³² Васильевский В. Г. *Epirotica saeculi...* Ep. 17.

³³ *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke...* Ep. 70. 6–12.

³⁴ Этот мотив см., напр., в письме Иоанна Мавропода (Karpozilos A. *The Letters of Ioannes Mauropous Metropolitan of Euchaita. Thessalonica, 1990.* Ep. 28), в письме Михаила Хонята (Michaelis Choniatae *epistulae* / ed. F. Kolovou. Berlin ; New York, 2001. Ep. 170).

³⁵ *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke...* Ep. 76. 2–5, 19–20.

ник» (Песн. 1:6), т. е. свое тело, и оно произвело «терния и волчцы» (Евр. 6:8), т. е. болезни³⁶. В письме к архиатру Константину Иоанн и вообще беспощаден к себе, сравнивая свои грехи с «праотческим проклятием»: он «совершенно уверен» в том, что, если бы он (т. е. пастырь) не был столь грешен, латиняне не разорили бы его отчизну³⁷.

Апокавк охотно сознается и кается в своих грехах, однако, как нам представляется, его самоуничужение далеко не всегда следует воспринимать всерьез – как мы бы воспринимали его, например, в письмах Максима Исповедника или Феодора Студита. Под пером Иоанна Апокавка, выросшего в Комниновскую эпоху, заверения в собственной ничемности или порочности вполне могли быть частью изящной риторической игры. Послания Апокавка дают нам много примеров юмора, включающего как дружеские шутки, так и язвительную насмешку над оппонентом³⁸ – и один из приемов, которые он использует, становится притворное самоуничужение.

Показательный пример такого ироничного самоуничужения – письмо монаху Анфиму³⁹. Письму предпослано пространное заглавие, задающее контекст: «Его же, к монаху господину Анфиму, пригласившему четырех домашних птиц и в своем письме попросившему принять их, как две лепты воспеваемой вдовы, которые она положила в сокровищницу на созидание храма» (Лк. 21:1–4). Отвечая на присылку птиц, Апокавк разъясняет, что Анфим превзошел вдову из Сарепты и что число четыре означает твердую дружбу или четыре родовые добродетели. Далее, аллегорическое истолкование продолжается следующими словами:

Птицы же – [вместе] и земные, и пернатые, ибо вы, их произрастители, бременем тела – земные, а добродетелями – пернатые и небесные: ваша пища – не эта погибшая [плоть], какую потребляем мы, «обжоры и винопийцы» (Мф. 11:19; Лк. 7:34), «как зелень травную» (Быт. 9:3), поедаящие плоть несчастных животных. Как я полагаю, должно разделять плоть птиц и их покровы: перья – знак вашей возвышенности над земными [вещами], мясо же остается нам, ибо мы [почитаем] чрево как Бога (Флп. 3:19) и поклоняемся отвратительному пищеводу⁴⁰.

³⁶ Васильевский В. Г. *Epirotica saeculi...* Ep. 22. С. 283. 24–284. 5.

³⁷ Bees N. A. *Unedierte Schriftstücke...* Ep. 107. 18–31.

³⁸ Юмор в письмах Иоанна Апокавка и средства, которыми достигается комический эффект, – обширная тема для исследования. Методологию изучения юмора в византийской эпистолографии см. в статье: Bernard F. *Humor in Byzantine Letters of the Tenth to Twelfth Centuries: Some Preliminary Remarks* // DOP. 2015. Т. 69. P. 179–195.

³⁹ Péridès S. *Jean Apokaukos...* Ep. 3. P. 5.

⁴⁰ Ibid. Ep. 3. P. 5. 13–21.

Итак, птичьи перья символизируют парящего в небе Анфима, а птичье мясо – низменного Иоанна. Самоуничижение, выраженное в столь гротескной форме, носит подчеркнуто комический характер: комизм усугубляется тем, что, подчеркивая свою низость и «каюсь» в чревоугодии, Апокавк, на деле, цитирует слова, которые иудеи говорят о Спасителе: «Вот человек, обжора и винопийца, друг мытарей и грешников» (Мф. 11:19; Лк. 7:34).

Тот же комический образ автора как «обжора и винопийца» появляется еще в одном послании⁴¹, где автор якобы критикует подарок, состоящий из одного пшеничного хлеба. Приводятся места из Писания, из которых следует, что человеку требуется не только хлеб, но также вино и мясо, например, упоминается о том, что Авраам угощал Святую Троицу хлебом и мясом (Быт. 18), Мелхиседек вынес Аврааму хлеб и вино (Быт. 14:18). Адресат же не открыл для автора своих винных погребов! Лишь Господь сказал ученикам, что не будет пить «от плода виноградного» (Мф. 26:29), автор же – обжора, винопийца и слугитель гортани, и одного хлеба ему не достаточно. В конце письма раскрывается, что действительно хотел сказать автор. Признание в обжорстве было, конечно, шуткой – «упражнением в составлении ученых посланий»⁴². На деле, питаться лишь хлебом и водой было бы вредно для его желудка.

Итак, Иоанн Апокавк зачастую выставляет себя в явно негативном свете: грешник, скверный душой и телом и оттого страдающий мочекаменной болезнью и другими тяжкими недугами; «старый пень», утративший мужество и сообразительность; «обжора, винопийца и раб гортани» – вот нелестные черты автопортрета, в некоторых письмах напоминающего скорее гротескную карикатуру. Однако это лишь одна сторона авторского образа: во многих посланиях, – в основном обращенных к близким друзьям, – Навпактский митрополит представляет себя совсем в ином обличье. В каком именно – покажут наши дальнейшие наблюдения.

Одно из писем Димитрию Хоматиану (1220)⁴³ написано в разгар конфликта между митрополитом Навпакта и заместителем Акарнании и Этолии Константином Дукой, когда Апокавк был вынужден удалиться из города и жил в изгнании в сельской местности, готовясь к борьбе с «тираном» и рассылая письма своим друзьям и союзникам. Апокавк с неприкрытым отвращением отзывается о своем нынешнем положении, которое он, очевидно, считает для себя унижительным:

⁴¹ *Pétridès S. Jean Apokaukos...* Ep. 4. P. 5–6.

⁴² *Ibid.* Ep. 4. P. 6. 10–11.

⁴³ *Παναδοπουλο-Κεραμεως Α. Η. Συμβολή...* Ep. 7.

«Образ души» ученого митрополита XIII в.

После того как меня изгнали из епископии и я из митрополита сделался хорепископом, и я... живу вместе с крестьянами, у меня есть земельный участок, быки и плуг, я тружусь над орошением земли и выпаляю в огороде сорняки. Я, почтенный (ἐλλόγιμος) митрополит, известный на востоке, небезызвестный на западе, тот, на которого (как многие неправильно полагают) когда-то косо смотрели (ὀλοβλεπόμενος) в Царствующем городе⁴⁴, – я разбираю тяжбы, состоящие в том, что украдена телега или что ослу, который сожрал чужой урожай, отрубили хвост... Таковы мои суды, хотя прежде я записывал суды прославленного синода – и, как говорили, делал это весьма успешно (εἰς εὐστοχίαν)⁴⁵.

Далее подробно описывается жилище Апокавка, где вместе обитают лошади, коровы, овцы, гуси и люди, и автор с горечью заключает, что его название теперь – «домохозяин» (οἰκοδεσπότης)⁴⁶.

Итак, Иоанн, вразрез с той уничижительной характеристикой, которую мы отметили ранее, испытывает гордость за свои достижения и за громкую репутацию – и в Константинополе, где он служил патриаршим хартофилаком, и, позднее, на митрополичьей кафедре, когда он играл заметную роль в церковной политике.

Можно найти и другие послания, в которых Апокавк не упускает случая отметить свои достижения и достоинства. Чем же он гордится? Во-первых, как подлинный столичный интеллигент XII в., Апокавк подчеркивает свою образованность и стремление к знаниям. Так, в том же письме к Хоматиану⁴⁷ автор с ностальгией вспоминает о Константинополе, где он посещал собрания знаменитых философов и риторов и, внимая их дискуссиям, узнавал больше, чем если бы просто посещал школу. В письме к Никифору Горианиту Иоанн рассказывает, что он учился схедаграфии, освоил дисциплины ἐγκύκλιος παιδεία и был посвящен в философские таинства⁴⁸. В еще одном письме к тому же адресату автор подчеркивает свой интерес к медицине и образно передает чувство гордости за свои познания:

Если бы общение с врачом было непрерывным... я бы, благодаря беседам с этим мужем, стал, не дерзну сказать искусным, но хотя бы образованным [в области врачевания]. Общение и беседы с ним принесли мне столь великую пользу, что я теперь горжусь [своими знаниями] и хотел бы скакать вокруг врачей, как жеребцы вокруг [взрослых] ослиц⁴⁹.

⁴⁴ Намек на неизвестный нам факт биографии Иоанна, также позволяющий ему подчеркнуть собственную значимость.

⁴⁵ *Παναδοπούλου-Κεραμεως Α. Η.* Συμβολή... Σ. 246.17 – 247.6.

⁴⁶ *Ibid.* Σ. 248. 1.

⁴⁷ *Ibid.* Σ. 248. 4–7.

⁴⁸ *Bees N. A.* Unedierte Schriftstücke... Ep. 62. 21–23.

⁴⁹ *Ibid.* Ep. 60. 14–19.

В этом пассаже – и тяга к науке, и гордость своей эрудицией, и легкая насмешка над «юношеской» прытью старика. Перед нами полная противоположность образу ветхого и больного старца, лишенного и цепкой памяти, и острого ума.

Так же, с легкой усмешкой и без пафоса, автор упоминает и о своем интересе к арифметике: получив от друга книгу по арифметике, Иоанн признается, что учебник пришелся как нельзя кстати: он увлечет ум и утешит, как вино или музыка утешает скорбящих⁵⁰.

Помимо учености и широты познаний, Апокавк гордится своим педагогическим талантом, проявленным по отношению к детям (в основном, сиротам), из которых он воспитывал клириков⁵¹. «Бог одарил меня тем великим и возвышенным даром, – пишет Апокавк Докиану, – что я [смог] принять к себе многих детей-сирот, заострить их ум, научив церковному пению, взрастить их и причислить к церковному клиру»⁵². Обращаясь к Димитрию Хоматиану, Иоанн примерно в тех же словах и тоже с нескрываемой гордостью рассказывает о том, как он воспитал Михаила Стириона, который потом оказался недостойным учеником, соблазнил чужую жену и сбежал в Охрид⁵³.

В письме к Георгию Вардану Апокавк предстает как человек, гордый своим творением, но в качестве «творения» выступает сам адресат. Апокавк с похвалой и удовлетворением отзывается и о качествах своего друга, и о собственных усилиях, которые помогли возвести Георгия на кафедру митрополита Керкиры⁵⁴:

Во-первых, я благодарю Бога, ибо Он привел к жизни дело рук моих (ср.: Пс. 89:17). Да приведет Он его и к Себе чрез жизнь добродетельную и деяния достойные, и дарует [многие] годы прекраснейшему из моих дел, из-за которого я радуюсь, забываю о бедствиях и причисляю себя к свершившим великое – по причине избрания, голосования и помазания⁵⁵.

Обращаясь к тому же адресату, Апокавк с неожиданной откровенностью признается в собственном честолюбии. Автор отмечает, что многие митрополии с прославленными именами – ничто по сравнению с епископскими кафедрами в Болгарии, отличающимися богатством и выгодным положением. Потому многие стремятся занять именно их – и сам автор стремился бы, если бы ему не помешало «честолюбие»

⁵⁰ *Pétridès S. Jean Apokaukos...* Ep. 8. C. 10. 7–10.

⁵¹ Об этой деятельности Апокавка см.: *Angold M. Church and Society...* P. 225–229.

⁵² *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke...* Ep. 27. 5–8.

⁵³ *Панадопуло-Керамевс А. И. Συμβολή...* Ep. 2. C. 234. 9–12.

⁵⁴ *Angold M. Church and Society...* P. 217.

⁵⁵ *Панадопуло-Керамевс А. И. Κερκυραϊκά...* Ep. 9. C. 349. 6–10.

(τὸ φιλοδοξεῖν)⁵⁶. Это признание – без какого-либо покаяния во грехе – вполне созвучно пассажиам, процитированным выше.

Отметим еще одну черту в «автопортрете» Апокавка, которая также контрастирует с образом ветхого старика и смиренного кающегося грешника. Когда речь заходит о конфликте с кем-нибудь – главным образом с мирскими властями и, в первую очередь, с наместником Акарнании и Этолии Константином Дукой, – Апокавок демонстрирует отнюдь не смирение и старческую слабость, а смелость, доходящую до воинственности, и принципиальность в защите интересов своей митрополии или клира. Рассмотрим несколько примеров.

В послании митрополиту Лариссы Апокавок с возмущением рассказывает об очередном столкновении с Константином Дукой: у автора есть молодой и проворный мул, и Константин положил на него глаз и разными способами пытается его отнять, но Апокавок, несмотря на угрозы со стороны Константина, уступать не собирается. Митрополит характеризует себя такими словами: «но мне тоже не свойственно просто так упускать свое: от природы я не боязлив и не робок, как заяц, и твердо владею тем, что на справедливом основании дано мне от Бога»⁵⁷. Обращаясь к Никифору Горианиту, митрополит высказывается уже по более широкому вопросу. Возмущенный тем, что мирские власти вмешиваются в дела Церкви и посягают на имущество одной из епископий, Иоанн отвечает недвусмысленной угрозой: «когда я то здесь, то там вижу указы [мирских властей] о назначении настоятелей, я порываюсь опоясаться мечом и колчаном стрел. Ведь если все в человеческой жизни поделено между Евангелием и мечом, вы же и мечом опоясываетесь, и за Евангелие беретесь – то необходимо, чтобы и я, причастный к одному, принял участие и в другом, дабы все было смешано между собой и ничто не разделяло бы мир и дух»⁵⁸. В еще одном послании Горианиту Апокавок выбирает между двумя вариантами – уступить и смириться, или продолжать отстаивать интересы своей епархии и вступаться за бедных. Горианит, по его словам, предложил ему примириться с Дукой, – вероятно, согласившись с его притязаниями на церковное имущество и новой податью, – но Апокавок отказывается: он де уже пытался разными способами заключить мир с Дукой, но никакой пользы от этого не получил. Ссылаясь на неизвестный нам источник («согласно сказавшему»), Апокавок утверждает, что «кто-либо должен не всегда угождать, но порой быть способен и противиться, ибо первое, конечно, весьма приятно, но второе – полезнее»⁵⁹.

⁵⁶ Васильевский В. Г. *Epirotica saeculi...* С. 252. 1.

⁵⁷ Bees N. A. *Unedierte Schriftstücke...* Ep. 68. 46–48.

⁵⁸ Ibid. Ep. 60. 47–52.

⁵⁹ *Pétridès S. Jean Apokaukos...* Ep. 10. С. 16. 9–14.

Дилемма «молчание или борьба» наиболее полно представлена в еще одном письме, обращенном к неизвестному адресату. К Апокавку обратился некий Мелигалас⁶⁰ с просьбой о заступничестве в суде. Тяжба, детали которой нам неизвестны, видимо, касалась наследства. В письме Апокавок рассуждает о том, что ему делать – вступиться за Мелигаласа или промолчать. По словам эпистолографа, он еще в школе усвоил, что есть время говорить, а есть время молчать – потому он и «спросил правителя не обо мне и не о том, что принадлежит мне, а о Церкви и о том, что принадлежит ей, и тем, которые судят несправедно, я показался вздорным болтуном и угодником толпы (ὄχλοκόλος τις καὶ λάλος καὶ δῦστερς), но они плохо знали [меня] и желания затмили в них здравомыслие»⁶¹. К этому выступлению его побудило то, что каноны наказывают епископа за молчание и что «состязавшийся за Церковь и принадлежащее ей творит угодное Богу»⁶². Потом автор избрал молчание, потому что он «неверно истолковал речение пророка»: «Я не буду более говорить во имя Его» (Иер. 20:9), но теперь, когда явился Мелигалас со своей жалобой, Иоанн не знает, что ему делать – молчать или говорить. Апокавок признает, что не знает, какой вариант выбрать, но риторические вопросы, которые он ставит, уже свидетельствуют о том, в какую сторону он склоняется: «Итак, раз слово и молчание уравнивают чаши весов, что подскажет мудрость? Сотворенные способными говорить, мы будем молчаливыми и никакого значения не придадим ни Богу, ни Божественным речениям, или же предпочтем естественное?» В пользу молчания, конечно, говорит речение Сираха: «Будь как знающий и, вместе, как умеющий молчать» (Сирах. 32:8), но, – возражает Апокавок, – если борьба идет за свое и за общественное, или если расхищаются церковные блага, «полагать дверь ограждения в устах» (Пс. 140:3) не следует⁶³.

В двух последних примерах важно отметить не только активную позицию автора, его установку на борьбу и неконформизм, но и то, что Апокавок изображает себя сомневающимся, колеблющимся между двумя мнениями. Точка зрения Апокавка не всегда задана изначально – иногда мы видим ее, так сказать, в становлении: сначала автор

⁶⁰ О нем см. также: *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke... Ep. 32*, от которого уцелел лишь отрывок.

⁶¹ *Ibid.* Ep. 33. 4–10. Возможно, речь идет о ситуации 1217/1218 г., когда Апокавок открыто выступил против повышения налогов и посягательств мирской власти на церковное имущество и написал об этом резкое письмо правителю Эпира Феодору Ангелу, см.: *Pétridès S. Jean Apokaukos... Ep. 9; Λαμπρόπουλος Κ. Ιωάννης Απόκαυκος... Σ. 178–179, Angold M. Church and Society... P. 219–222.*

⁶² *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke... Ep. 33. 10–11, 14–15.*

⁶³ *Ibid.* Ep. 33. 31–33, 36–39.

придерживался одного мнения, потом – по таким-то причинам – им овладело противоположное, и теперь он не может выбрать, какому из них отдать предпочтение. В одном из писем – оно обращено к близкому другу автора, Никифору Горрианиту⁶⁴ – эти сомнения касаются такой темы, в которой благочестивому христианину и митрополиту, казалось бы, сомневаться не следовало.

Апокавк рассуждает на свою излюбленную тему: бедствия и недуги как наказание за грехи. Речь заходит о том, что жители Навпакта верят в судьбу: по их мнению, все происходящее с ними, хорошее или дурное – не воздаяние за грехи или за добродетель, а необходимость, предопределенная «мойрой». Находясь среди этих людей, Апокавк порой сам склонен принимать это суеверие, вместо того чтобы возводить все к божественному Промыслу. Так, митрополит признается: «Я прихожу к мысли, не истинно ли эллинское пустословие, будто есть Мойра, у нее есть нить и веретено, и она прядет каждому то, что произойдет с ним, начиная с рождения... Ибо откуда еще у тебя вечные странствия и тяготы, а у меня вечные болезни и страдания?»⁶⁵ Автор в полушутливом тоне делится своими сомнениями: «Видишь, до какого мнения я низошел, хоть я и отвергаю это благочестивым помыслом, хоть я должен совершать в сердце восхождения и заключать, что сеющий тернии и пожнет тернии и волчцы, а отделяющий зерна от плевел и сеющий его в землю чистым (ср.: Мф. 13:24–30), как говорится, “златой урожай пожинает”, хлеб же есть семя добродетели»⁶⁶. В конце письма Апокавк вновь обращается к своим колебаниям и описывает их в аристотелевской логической терминологии: его ночные размышления состоят из взаимных «утверждений» (κατάφασις) и «отрицаний» (ἀπόφασις), которые вместе, «по словам Стагирита», составляют «противоречие» (ἀντίφασις)⁶⁷.

Пришло время подвести итоги нашего исследования. При чтении посланий Иоанна Апокавка у читателя создается образ их автора – вполне индивидуальный, т. е. выступающий за рамки эпистолярных клише. Этот образ не лишен внутренних противоречий: с одной стороны, Апокавк изображает себя ветхим, больным, слабым и страдающим за свои грехи, а с другой – предстает гордым своими достижениями, ученостью, готовым смело вступить за свои права или защищать интересы вверенной ему митрополии. При этом, когда автор говорит о своей слабости и ничтожности, он не всегда серьезен – самоуничтожение порой превращается в карикатуру: автор подчеркивает свое чревоугодие, прибегая к гротескным сравнениям. Еще одна важная особенность

⁶⁴ *Bees N. A.* Unedierte Schriftstücke... Ep. 46.

⁶⁵ *Ibid.* Ep. 46. 2–9.

⁶⁶ *Ibid.* Ep. 46. 18–23.

⁶⁷ *Ibid.* Ep. 46. 36 – 42, cf Arist. Int. 17a.

состоит в том, что образ не статичен: Апокавк не выступает носителем каких-либо черт или убеждений, но изображает себя сомневающимся, колеблющимся между двумя мнениями, меняющим свою позицию под влиянием обстоятельств.

В рамках настоящего сугубо филологического исследования мы не станем подробно останавливаться на том, насколько образ Апокавка в письмах соответствует их «реальному» автору. Ограничимся лишь парой общих замечаний.

Читая письма Навпактского митрополита, трудно согласиться с тем, что перед нами «робкий», «немужественный» старец с «одряхлевшим умом». Обилие писем, в которых Апокавк с полемическим задором обрушивается на своих противников, бранит и высмеивает их, демонстрируя блестящий сатирический дар, указывает на то, что словесные баталии, ожесточенные споры, конфликты и тяжбы были его стихией, и оппоненты, назвавшие его *λάλος καὶ δῦσερς*, были, наверное, в чем-то правы.

Конечно, Иоанн был уже, по византийским меркам, весьма пожилым человеком – большинство писем относятся к периоду после 1215 г., когда ему было уже более 60 лет – и, по-видимому, действительно тяжело болел, причем детальное описание симптомов в его посланиях, наверное, позволило бы исследователю, проконсультировавшись с врачами, поставить ему точный диагноз и написать историю болезни, но, вместе с тем, жалобы на болезни и невыносимые страдания вполне могли быть и преувеличены. Болезнь, безусловно, была частью дипломатической игры пожилого митрополита – Апокавк зачастую оправдывал ею свое отсутствие на мероприятиях, которых он хотел избежать. Например, патриарх Мануил обвинил Апокавка в том, что он совершил рукоположения вопреки соборному деянию, которое было зачитано его референдарием в Вонитце, а Апокавк в оправдание ответил, что он не знал о постановлении, потому что был тяжело болен и не смог прибыть в Вонитцу⁶⁸. Действительно ли он тяжело болел? Как мы узнаем из другого письма, этим объяснениям не всегда доверяли: по мнению его оппонентов, Иоанн симулировал болезнь, чтобы избежать встречи с Феодором Ангелом, и ему пришлось убеждать их, что это правда: по словам Апокавка, многие стали свидетелями его страданий, когда он мучился болезнью ног, передвигался на носилках и пользовался судном⁶⁹. Однако, подчеркнем еще раз, психологический портрет Апокавка, его личность и мировоззрение – не тема настоящей статьи.

⁶⁸ *Васильевский В. Г. Epirotica saeculi...* Ep. 17. С. 271. 24–29.

⁶⁹ *Pétridès S. Jean Apokaukos...* Ep. 10. С. 14. 7–17.

Итак, мы убедились, что образ автора в письмах Апокавка своеобразен и индивидуален, но, в то же время, можно отметить некоторые тенденции, мотивы и приемы самоизображения, сближающие образ Апокавка с «автопортретами» других авторов эпохи Комниновского ренессанса.

Внимание к болезням и, вообще, к медицине характерно для писем XII в. Феофилакт Охридский, Иоанн Цец и Евстафий Солунский в красках описывают симптомы своих недугов, а Феодор Продром, как уже говорилось, саркастически описывает свою внешность после тяжелой болезни⁷⁰.

Признание своей значимости и даже самовосхваление, контрастирующее с традиционным благочестивым самоуничижением, тоже встречается в письмах XI–XII вв. Здесь вспоминается, в первую очередь, письмо Иоанна Цеца, в котором автор заявляет, что его имя известно по всей Вселенной – вплоть до Индии, Эфиопии, Британии и Испании⁷¹, а также и другие письма того же автора, где он с гордостью отзывается о своих нравственных качествах⁷². Иоанн Апокавк обходится без подобных гипербол, но тоже без ложной скромности признает свою известность «и на востоке, и на западе».

Притворное самоуничижение, которое мы отметили в письмах Апокавка – не что иное как ирония, характерная для византийской литературы и, в частности, эпистолографии XI–XII вв. Этот литературный прием, корнящийся в античной традиции и развитый в платоновских диалогах, особенно активно использовали Михаил Пселл, Иоанн Цец, Никита Хониат и другие авторы⁷³.

Безусловно, наши выводы носят предварительный характер. Цель данной статьи – дать общую характеристику авторского «я» в письмах Иоанна Апокавка. В дальнейшем, в рамках комплексного филологического анализа, было бы интересно рассмотреть по отдельности письма Апокавка к каждому из его корреспондентов. Такой анализ позволит выявить, в какой мере образ автора варьируется в зависимости от адресата, его взаимоотношений с ним. Пока же ограничимся лишь общим выводом, что Апокавк – мастер эпистолярного жанра, способный модулировать свой образ по-разному, показать его многогранным и изменчивым.

⁷⁰ Подробнее об этом см.: *Черноглазов Д. А.* У врат смерти: жалобы на болезни в византийских письмах IX–XIII вв. // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов. СПб., 2011. С. 203–219.

⁷¹ *Ioannis Tzetzae epistulae* / ed. P. L. M. Leone. Leipzig, 1972. Ep. 42. P. 62. 6–63. 1.

⁷² Об авторском образе в письмах Иоанна Цеца см.: *Черноглазов Д. А.* Пять писем Иоанна Цеца: автопортрет византийского интеллектуала XII в. // ВВ. 2008. Т. 67(92). С. 152–164.

⁷³ Об иронии в византийской литературе XI–XII вв. см.: *Любарский Я. Н.* Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 445–473.

REFERENCES

- Angold, M. (1995). *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*. New York: Cambridge University Press.
- Bees, N. A. (1971–1974). Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien). *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*, 21, 57–160.
- Bernard, F. (2015). Humor in Byzantine Letters of the Tenth to Twelfth Centuries: Some Preliminary Remarks. *Dumbarton Oaks Papers*, 69, 179–195.
- Chernoglazov, D. A. (2008). Piat' pisem Ioanna Tsetsa: avtoportret vizantiiskogo intellektuala XII v. [Five Letters by John Tzetzes: A Byzantine Intellectual's Self-portrait]. *Vizantijskij Vremennik*, 67(92), 152–164.
- Chernoglazov, D. A. (2011). U vrat smerti: zhaloby na bolezni v vizantiiskih pis'makh 9–13 vekov [At the Gates of Death: Complaints about Illness in Byzantine Letters of the Ninth–Thirteenth Centuries]. *Vizantijskie očerki*. St Petersburg: Aleteia. P. 203–219.
- Chernoglazov, D. A. (2010). Laus epistolae acceptae: ob evoliutsii vizantiiskogo epistoliarnogo komplimenta [Some Notes on the Development of the Byzantine Ristolary Compliment]. *Vizantijskij vremennik*, 69(94), 174–186.
- Darrouzès, J. (1960). *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. *Archives de l'Orient Chrétien*, 6. Paris: Institut Français d'Études Byzantines.
- Hunger, H. (1978). *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner* (Vol. 1). München: Beck.
- Karlsson, G. (1959). *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala: Almqvist et Wiksell.
- Karpozilos, A. (1990). The Letters of Ioannes Mauropous Metropolitan of Euchaita. *Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Thessalonicensis*, 34. Thessalonica: Association for Byzantine Research.
- Kolovou, F. (Ed.). (2001). *Michaelis Choniatae epistolae*. Berlin; New York: de Gruyter.
- Koskenniemi, H. (1956). *Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr.* Helsinki: Akateeminen Kirjakauppa.
- Lampropoulos, K. (1988). *Ioannis Apokavkos. Simvuli stin erevna tu vii ke tu singrafiku ergu tu* [John Apokaukos: Contribution to the Research of his Life and Work]. Athina: Istorikes Ekdosis St. D. Vasilopoulos.
- Leone, P. L. M. (Ed.). (1972). *Ioannis Tzetzae epistolae*. Leipzig: Teubner.
- Ljubarskij, Ya. N. (2012). *Vizantijskie istoriki i pisateli* [Byzantine Historians and Writers]. St Petersburg: Aleteia.
- Ljubarskij, Ya. N. (2001). Mikhail Psell. Lichnost' i tvorcestvo [Michael Psellos. Personality and Work]. In Ya. N. Ljubarskij, *Dve knigi o Mikhaile Pselle*. St Petersburg: Aleteja.
- Magdalino, P. (1987). The Literary Perception of Everyday Life in Byzantium, Some General Considerations and the Case of Apokaukos. *Byzantinoslavica*, 47(1), 28–38.
- Migne, J.-P. (Ed.). (1864). Theodori Prodrumi epistolae. In *Patrologiae cursus completus: series Graeca* (Vol. 133, pp. 1239–1292). Paris: [s. n.].

«Образ души» ученого митрополита XIII в.

Mullett, M. (1981). The Classical Tradition in the Byzantine Letter. In M. Mullett, & R. Scott (Eds.), *Byzantium and the Classical Tradition* (pp. 75–93). Oxford: BAR.

Papadopoulos-Kerameus, A. I. (1906). Kerkiraika: Ioannis Apokavkos ke Georgios Vardanis [John Apokaukos and George Bardanes]. *Vizantijskij vremennik*, 13, 335–351.

Papadopoulos-Kerameus, A. I. (1907). *Simvuli is tin Istorian tis arhiepiscopeis Ahridos* [Contribution to the History of the Archbishopric of Ohrid]. In *Recueil de mémoires en l'honneur de l'académicien B. J. Lamanskij* (Pt. 1, pp. 227–250). St Petersburg.

Péridès, S. (1909). Jean Apokaukos, Lettres et autres documents inédits. *Izvestiia Russkogo arkeologicheskogo instituta v Konstantinopole*, 14, 72–100.

Riehle, A. (Ed.). (2020). *A companion to Byzantine Epistolography*. Leiden; Boston: Brill.

Vasilievskij, V. G. (1896). Epirotica saeculi XIII: iz perepiski Ioanna Navpaktokskogo [Epirotica saeculi XIII: From the Correspondence of John of Naupactus]. *Vizantijskij Vremennik*, 3, 241–299.

Wellnhofer, M. (1913). *Johannes Apokaukos, Metropolit von Naupaktos in Aetolien (c. 1155–1233), sein Leben und seine Stellung in Despotat von Epirus* (Diss.). München: [s. n.].

Черноглазов Дмитрий Александрович

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург,

Университетская наб., 7/9

E-mail: d.chernoglazov@spbu.ru

Chernoglazov, Dmitrii

Aleksandrovich

PhD (Philology), Associate Professor

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaia Emb.,

St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: d.chernoglazov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-8809-3090

ScopusID: 56052329100